

ВСЕ, ЧТО ОСТАЛОСЬ...

Какие бы долги, включая интернациональный, ни брало на себя руководство, расплачивается за них народ.

Станислав Кондрашов

Саша погиб в середине декабря у небольшого селения Дех-Кидам, зажатого в предгорьях старого ущелья Панджшер.

А здесь, в белых снегах, неясные мрачные предчувствия вдруг охватили Марию Михеевну. "Господи, вот ведь какая страшная тоска..." Подошла к окну, замерла на миг, рассматривая застывшие на морозе деревья. Вспомнила, как Саша, собираясь с каникул в училище, смеясь, говорил: "Вот тоска!"

Повторила: "Какая тоска, как сказал бы Саша-упокойник..." И спохватилась, хлестнула себя с размаху по губам: что ты, мать, болтаешь!

30 декабря 1982 года в семью Попиковых принесли повестку: "С глубоким прискорбием извещаем вас, что ваш сын старший лейтенант Попиков Александр Анатольевич, верный воинской присяге и интернациональному долгу..." Померк свет, и не осталось в нем ничего, кроме офицерской фигуры в дверном проеме, с непривычной робостью переминавшейся с ноги на ногу и не знавшей, куда девать руку, только что протянувшую матери этот казенный листок.

Передо мной сидит уставшая от неизбывного горя женщина. Рассказывает. Сын родился в пятьдесят девятом, в городе Уварово Тамбовской области. Как и все дети, в семь лет пошел в школу, учился хорошо. Озорничал, конечно, но хулиганом, нет, не был, не врал никогда, не подличал. Семья военная: исколесили страну – вдоль и поперек. И в Европе жили, и в Азии. Наконец перебрались в Череповец. Саша уж в то время курсантом был, учился в Коломенском высшем артиллерийском училище; потому, наверное, в

Череповце у него – ни друзей, ни особо знакомых... А отец не хотел, чтобы Саша был военным...

Было все, но словно ничего и не было. Прогретая летним солнцем челка, да яблочно-розовая детская щека. Первый пушок на подбородке и мужской запах курсантского мундира, а потом – слезы, венки, соболезнования. Только память – скоро десять лет пройдет... И письма (посмотришь, нет, не сон!) – трагический дневник человеческого горя.

“...Ваш сын во время боя был тяжело ранен в голову в район височной кости. Скончался через два с половиной часа в госпитале. От места, где его ранили, везли 70 километров на БТР. Адрес госпиталя не знаем. Командир части (подпись)”.

“Номер войсковой части медицинского учреждения дать не можем, поскольку это нам не известно... О подробностях гибели вашего сына мы сообщали вам раньше в *дозволенной форме* (курсив мой. – Авт.). Командир части (подпись)”.

“Извините, что не знаю вашего имени и отчества. В ответ на ваше письмо сообщая, что ваш сын никогда не находился в нашем госпитале...”

“Я изложил все известное мне о гибели А. Попикова и дал ответы на вопросы. Больше, к сожалению, мне написать нет возможности, так как в связи с заменой офицеров, выслуживших установленный срок, очевидцев уже не осталось. Командир части (подпись)”.

“Ваш сын должен был убыть в отпуск в декабре 1982 года. Скончался он 16 декабря от пулевого ранения в голову на посту, где нес службу со своим подразделением... Еще будучи живым, Александр был представлен к награждению орденом Красной Звезды”.

Родители даже не знали сначала, что Саша в Афганистане. Он ничего не написал, не хотел волновать. Письма пересылал с оказией: кто ехал в отпуск, опускал конверты в Москве.

– Только через полгода все открылось, – вспоминает Мария Михеевна. – Я ночей тогда не спала, места себе найти не могла. Да... И девушка у него была. Теперь уже замужем, дети есть...

“Первое представление о награждении Александра было не реализовано, а в декабре 1982 года он был

представлен вторично и награжден орденом Красной Звезды посмертно...”

“Награда находится в Главном управлении кадров Министерства обороны СССР”.

“Командование части просит прощения за задержку с отправкой вещей вашего сына...”

“Сообщаю, что начальнику политотдела строго указано на недопустимость подобной волокиты с отправкой вещей вашего сына”.

“Извините за невольный обман, но так получилось, что буквально за несколько дней до отпуска капитан В. Самчин серьезно заболел. Я узнавал: он скоро выписывается и привезет вещи старшего лейтенанта А. Попикова...”

Мария Михеевна насчитала двадцать один официальный документ, полученный ею за два года переписки с “властями”. Зачем писала, нарываясь на равнодушие и казенный слог различных ведомств и организаций? Чего, к примеру, стоит получить такое:

“При сооружении надгробия на его лицевой стороне указываются: воинское звание, фамилия, имя, отчество, дата рождения и гибели. Ниже делается надпись: “Погиб при исполнении служебных обязанностей”. Или вот еще образец бездушия: “...Произведены следующие расходы: изготовление и установка временного надгробия – 237 рублей, изготовление и установка гранитной плиты – 250 рублей, изготовление подставки из цветного бетона – 32 рубля. Сюда не включены расходы на земляные работы...”

Но она писала, собирая по крупицам все, что только можно было узнать о сыне, добываясь правды. Как всплеск в тихом омуте бюрократических терминов звучит:

“Подставки уже установили. Вы, Мария Михеевна, не беспокойтесь, что они придут в негодность. Если что и случится, то исполком не позволит в таком священном месте допустить беспорядок. <...> Все должно быть в хорошем виде...”

Но Попиковы все-таки беспокоились. Не обращая внимания на “искренние” заверения, поставили памятник за свой счет, стоимость которого, кстати, “из средств местных бюджетов” им так и не возместили. Дождались личных вещей сына, которые привезли только через полтора года

после случившегося. В 1983 году получили орден, который Саша так и не увидел...

* * *

Мы сидим в очень тихой трехкомнатной квартире Марии Михеевны. Шуметь теперь некому. Вышла замуж и живет своим домом дочь. Не смог смириться с потерей сына муж Анатолий Иосифович, лежат теперь на одном кладбище с Александром.

В большой комнате – фотографии, гитара, небольшой чемодан, семейные альбомы, личные письма... И цветы...

Е. Бессараб